

УДК 821.111
ББК 84(7США)
М15

Paula McLain
LOVE AND RUIN

Перевела с английского

Олеся Семенюк

Художник

Алексей Вайнер

Дизайнер обложки

Александр Андрейчук

Маклейн П.

М15 Любовь и пепел : [роман] / Пола Маклейн; [пер. с англ. О. Семенюк]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 448 с. — (Серия «Жизнь как роман»).

ISBN 978-5-907143-59-3

Марта Геллхорн, писательница и величайший военный корреспондент двадцатого века. Сильная, смелая, независимая. Именно ей выпало вдохновлять Эрнеста Хемингуэя во время его работы над грандиозным романом «По ком звонит колокол». Они поженились, когда ей было тридцать два года, ему — сорок один. Казалось, их брак, основанный на страстной любви, должен был продлиться долго. Но этого не случилось. Столкнулись две яркие, сильные, талантливые личности, и любовь превратилась в пепел.

Пола Маклейн блистательно оживляет историю своей героини: женщины, готовой рискнуть личным счастьем во имя обретения собственного голоса.

УДК 821.111
ББК 84(7США)

© Paula McLain, 2018
© Penguin Random House LLC, 2019
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2020

ISBN 978-5-907143-59-3

Посвящается Джули Барер

«Любовь и пепел» — это художественное произведение. Все события, диалоги и персонажи, за исключением некоторых известных исторических личностей, являются плодом творческого воображения автора и не могут быть истолкованы как реальные.

Эпизоды, где появляются реальные исторические личности, а также связанные с ними ситуации, происшествия и диалоги, полностью вымышлены и не предназначены для описания реальных событий или изменения характера произведения.

Во всех остальных случаях любое сходство с живыми или умершими людьми совершенно случайно.

Больше ничего нет, кроме сейчас. Нет ни вчера, ни завтра. Сколько времени тебе еще нужно, чтобы осознать это?

Эрнест Хемингуэй. По ком звонит колокол

Пролог

На рассвете тринадцатого июля тысяча девятьсот тридцать шестого года, когда трое убийц, надеясь застать вооруженных охранников врасплох, карабкались на высокую садовую стену на Тенерифе, я спала в крошечной комнате в Штутгарте, ожидая, когда начнется моя жизнь.

Убийцы были профессионалами. Они двигались бесшумно, взбираясь по скрытым канатам, не глядя друг на друга и не думая ни о чем, кроме следующего шага. С кошачьей грацией они спрыгнули со стены на землю и, незаметно передвигаясь среди теней, стали плавно подкрадываться к своей цели.

Это было похоже на разворачивающуюся симфонию. Их план состоял в том, чтобы по очереди разобраться с охранниками, перерезав им глотки. Затем они собирались взломать дверь за верандой и подняться по мраморным ступеням в комнату девочки. Ее звали Мария дель Кармен, ей было десять лет. Пока она сладко спит, ей засунут кляп в рот и подушкой накроют ее маленькое личико. Затем они перейдут в хозяйскую спальню, где расправятся с оставшимися охранниками. Все будет сделано без единого выстрела. Генерал и его красавица-жена не успеют даже шелохнуться, их тела останутся неподвижны, как на картине Веласкеса, пока не придет смерть.

Все шло по плану, но внезапно один из охранников повернулся — и пулеметный огонь разрезал ночь. Убийцы

бросились бежать, спасая свои жизни. Генерал проснулся от грохота выстрелов, но, узнав от своих людей, что случилось, спокойно вернулся в постель. Покушения на его жизнь были не редкостью, и особенно сейчас, когда он почти добился того, чего так долго выжидал, словно затаившийся тигр.

Через пять дней началось запланированное восстание в Марокко. Генерал выступил с воззванием, призывающим всех офицеров присоединиться к мятежу и свергнуть испанское правительство. Затем он отправил жену и дочь во Францию, а сам, выехав на улицы Тенерифе, где уже начались перестрелки, двинулся к поджидавшему его самолету «Де Хэвиленд Дракон Рапиде». Он был в штатском, темных очках и для маскировки сбрил свои знаменитые усы.

Вскоре небольшой самолет взмыл в воздух, чтобы переправить своего пассажира в Северную Африку, где тот будет готовить армию, которая вскоре нападет на материковую Испанию. По дороге пассажир переоделся в форму цвета хаки с красно-золотым поясом. Так появился генерал Франсиско Франко, недавно бежавший из ссылки, готовый развязать войну, заканчивать которую придется всему миру.

Что я делала тогда, в двадцать семь лет, когда Франко начал свою игру против Испании? Пребывала в сгущающейся тьме, как и все остальные, хотя пока никто этого еще не осознавал.

Немецкие войска недавно вошли в Рейнскую область, и Нюрнбергские законы, запрещавшие евреям жениться и заводить детей с «чистокровными» гражданами рейха, а также посещать государственные школы и определенные учреждения, вступили в силу. По существу, их, наряду с афронемцами и цыганами, объявили врагами

Фольксгемайншафта¹, чтобы нацисты могли защитить свою арийскую кровь в расовом государстве. Все это было шокирующе и ужасающе неправильно. И все же можно было притворяться, что ничего не происходит, и продолжать жить и думать, что к тебе это не имеет никакого отношения.

На протяжении многих лет я периодически обитала в Париже, пыталась быть писательницей, часто влюблялась, но не преуспела ни в том ни в другом. Мне ужасно хотелось создать персонаж, который был бы таким же блестящим и проницательным, как леди Брет из романа «И восходит солнце». Но поскольку у меня это никак не получалось, я решила примерить этот образ на себя. Я ходила в длинной юбке, вязаных свитерах и атласных кофточках, слишком много курила, щурила глаза и говорила «привет, дорогая» почти незнакомым людям. Я заказывала коктейли, которые были слишком крепкими для меня, смеялась над ужасными вещами и бросалась в любые отношения (под любыми я имею в виду женатых мужчин). Но хуже всего было возвращаться домой одной под грязно-фиолетовым небом, чувствуя себя уже не леди Брет, а абсолютно одиноким и совершенно сбитым с толку человеком, который не знает, как жить дальше.

Чего-то не хватало в моей жизни — во мне самой, — и я полагала, что писательство сможет это заполнить, исправить или излечить. Это была всего лишь догадка, но я неукоснительно следовала ей в моих перемещениях: от Сент-Луиса до Нью-Йорка, от Нью-Йорка до Парижа, от Парижа до Канн, от Капри до Штутгарта, где я собиралась заняться исследованиями. Недавно я начала

¹ «Расовое единство» (нем.) — национал-социалистическое идеологическое представление о расовом превосходстве немцев. — *Примеч. ред.*

роман о молодой французской паре, которая совершает смелые поступки во имя политического пацифизма: бастует вместе с шахтерами, терпит удары металлических дубинок жандармов — и все ради социальной справедливости.

Пока я сидела, склонившись над своими записными книжками в Штутгартской библиотеке, эта история казалась мне смелой и серьезной, но каждый день наступал момент, когда я выходила из здания и сталкивалась с реальным миром. Какой наивной и безнадёжной казалась идея пацифизма, когда улицы были полны фашистов!

Однажды, когда я была в кинотеатре, два солдата рейха вытащили из кресла сидящую передо мной молодую еврейку и вытолкали на улицу взащей, как собаку. Свет погас, и пленка снова закрутилась, но я уже не могла спокойно сидеть в кресле и развлекаться. По дороге к пансиону я несколько раз вздрагивала, когда ловила свое отражение в витрине магазина. С моими светлыми волнистыми волосами, светло-голубыми глазами и прямым носом я была похожа на арийку. Я унаследовала внешность от родителей, которые легко сошли бы за протестантов в антисемитском Сент-Луисе. Но в моей семье была еврейская кровь с обеих сторон.

Из Штутгарта я переехала в Мюнхен, где все было еще более мрачно и зловеще. Я читала о перевороте Франко в нацистских газетах, которые преподносили все в хвастливом и насмешливом тоне. Быстро рухнувший республиканский режим называли стаей «красных свиней», а сияющего Франко преподносили как выдающегося вождя испанского народа. Неважно, что правительство, которое он и его приспешники свергли, было результатом первых за шестьдесят лет демократических выборов. Неважно, что невинных людей убивали ради власти и полного господства группки людей.

К тому времени, когда я вернулась в Париж, Франко объявил военное положение и поклялся «объединить» Испанию любой ценой, даже если для этого ему потребуется убить половину населения. Большинство испанских военных присоединились к националистам, в то время как практически безоружные гражданские лица бросились на защиту городов и деревень. Не прошло и месяца — и Памплона, Авила, Сарагоса, Теруэль, Сеговия и вся Наварра пали, как костяшки домино. Любой, кто выступал против переворота, становился мишенью. В старом мавританском городе Бадахосе националисты вывели на Пласа-де-Торос почти две тысячи человек — ополченцев, крестьян, женщин и детей — и открыли огонь из пулеметов, оставив тела там, где они упали, а затем двинулись на Толедо, проделав там то же самое.

Образовались ужасные альянсы. Нацистская Германия направила в Испанию новейшие бомбардировщики люфтваффе и три тысячи солдат в обмен на минеральные ресурсы, медь и железную руду, которые вскоре должны были помочь Гитлеру в достижении его собственных смертоносных целей. Были посланы подводные лодки и бомбардировщики, сотни кораблей с припасами и опытные офицеры для обучения людей Франко и оттачивания их способности убивать и пытаться.

Муссолини также пришел на помощь Франко, «одолжив» ему восемьдесят тысяч солдат и образовав третий смертоносный угол фашистского треугольника. И вот так, после многих лет зловещих заговоров, почти в одночасье, Европа стала совершенно другим, пугающим местом. Никто не знал, чего ждать.

У Сталина в Советском Союзе был свой план, и в тот момент он думал собрать помощь для республиканской Испании. Он ждал, что к нему присоединятся с оружием в руках крупнейшие демократии Запада, но правительство Франции было жестко разделено, а Британия,